Наступление ВИЗ

Как нефтекомпаниям и странам — экспортерам нефти извлечь выгоды из глобального «энергетического перехода»

По материалам доклада Оксфордского института энергетических исследований* Выборочный перевод и адаптация Елены Жук

* Bassam Fattouh, Director, OIES, Rahmatallah Poudineh, Lead Senior Research Fellow, OIES & Rob West, Partner Oil & Energy Research, Redburn & Research Associate, OIES. OIES PAPER: MEP 19. The rise of renewables and energy transition: what adaptation strategy for oil companies and oil-exporting countries?

отрасль стоит на пороге нового энергетического перехода, или трансформации энергетики. Для XXI века становится характерным повышение доли конкурентоспособных по цене технологий возобновляемых источников энергии (ВИЭ) и постепенный отход от применения ископаемого топлива. Это неизбежный процесс, и большой неопределенностью остается его скорость. Такой вывод делают авторы доклада «Рост возобновляемых источников энергии и энергетический переход: выбор стратегии адаптации для нефтяных компаний и стран — экспортеров нефти» Оксфордского института энергетических исследований OIES.

Для компаний и стран, вовлеченных в бизнес с ископаемыми энергоресурсами, эта трансформация сопряжена с большими рисками, но если выстроить правильную стратегию адаптации, то можно извлечь выгоды, говорят авторы доклада. Слишком быстрый переход от ископаемого топлива к ВИЭ чреват полным списанием основных средств и потерями для инвесторов. В случае же слишком медленного перехода действующие участники рынка могут остаться с «блокированными активами», не воспользовавшись преимуществами энергетической революции.

Нефтяным компаниям и странам — экспортерам нефти придется искать золотую середину, балансируя между двумя крайностями, считают авторы исследования, предлагая к рассмотрению вариант стратегии гибкой адаптации к новым энергетическим реалиям.

Нефтяные компании и конкуренция энергоносителей

Для крупных нефтегазовых компаний гибкая стратегия адаптации к происходящей трансформации энергетики подразумевает, что они включают в свой портфель активы на основе проверенных технологий ВИЭ, которые дополняют существующую цепочку создания стоимости. Именно в них компании последовательно инвестируют.

До 2010-х стандартную стратегию любой нефтяной компании вить так: наращивание или замещение ресурсной базы, добыча, переработка и продажа продукции на растущем рынке. Но в условиях нестабильного спроса на нефть и снижения роли ископаемого топлива придется поменять подход, причем он будет явно сложнее прежнего.

для всех компаний с различными рисками, финансовыми возможностями, географией и опытом работы. Во-вторых, успешно ответить на все вызовы энергетического перехода — это гораздо больше, чем просто интегрировать ВИЭ в свою бизнес-модель.

Возьмем такой фактор, как снижение спроса на нефть: естественной защитной реакцией отрасли на него может быть повышение доли газа в бизнес-портфеле. Для газа все еще есть возможности роста, по крайней мере в среднесрочной перспективе. Наглядный пример: в шести из семи новых крупных объектов, введенных ВР в эксплуатацию в последние годы, газ задействован в большей степени, чем нефть. Такой же переход к газу от нефти совершили и другие компании, в частности Shell и Total. В этом свете также можно отметить полдержку некоторыми нефтяными компаниями действующего налога на выбросы углекислого газа, где газ выигрывает в сравнении с другими ископаемыми энергоносителями (в первую очередь с углем). И тем не менее в долгосрочной перспективе газу придется побороться

энергетическая можно было упрощенно предста- за свою долю рынка, в частности как энергоисточника в электро-

> Для начала нефтяным компаниям нужно оценить, какая часть их бизнес-модели и в каких временных рамках находится в зоне риска в условиях трансформации энерге-

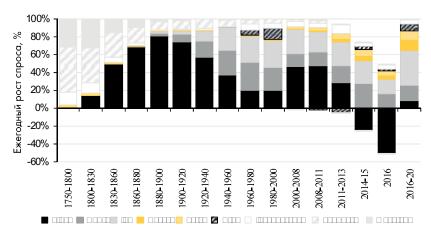
Если рассмотреть последние Во-первых, нет единого рецепта тенденции меняющихся ролей различных энергоносителей, то можно увидеть, что усиление роли того или иного энергоносителя зиждется на трех ключевых факторах: открытие новых источников спроса на него, повышение эффективности его производства/использования снижение стоимости. Учет этих факторов способствует успешной стратегии адаптации бизнеса к меняющейся энергетике.

> Далее возникает правомерный вопрос: возможно ли применить навыки, полученные в ключевом бизнесе нефтегазовых компаний, в бизнесе ВИЭ?

Первый опыт majors

Почему компании нефтегазового сектора неохотно идут на такие шаги — вполне понятно. Во-первых, они привыкли инвестировать в высокоприбыльные проекты области добычи, тогда как возврат инвестиций в ВИЭ весьма скромный. Компании конкурируют в экономической эффективности, область ВИЭ — регулируемая. Так что высокий возврат инвестиций и знание традиционной отрасли перевешивают риски с небольшим возвратом в новой сфере.

Хронология поставок энергии различных источников в мире

Источники: BP, Carbon Dioxide Information Analysis Center, Smil, оценка авторов.

Во-вторых, успех отрасли ВИЭ зависит от субсидирования, а нефтяные компании зачастую избегают стратегий, построенных на субси-

К тому же в прошлом попытки движения нефтяных компаний в сторону ВИЭ не всегда были успешными. Так, ВР инвестировала в ветроэнергетику и альтернативные источники энергии за 2005-2013 годы \$8,3 млрд и не смогла найти покупателя на 1,2 ГВт ветровой энергии в США в 2013 году. Восстановительная стоимость (переоцененная первоначальная стоимость) этих активов в расчете на сегодняшний уровень цен в ветроэнергетике где-то в районе \$2,3 млрд.

Главный исполнительный директор Shell Бен ван Берден против того, чтобы «бежать сломя голову» в область ВИЭ. В интервью в октябре 2017 года он отметил: «Мы были в числе первых международных нефтяных компаний, вошедших в солнечную энергетику, и выяснили, что не можем на этом заработать». В январе 2018 года глава ВР Боб Дадли признал необходимость перехода к другой модели существующих в компании проектов ВИЭ. Он сказал: «В плане солнца можно вспомнить 2000-е, компания делала большие ставки [на возобновляемые источники]... Фактически в районе 2000 года у ВР была третья по величине в мире компания в области солнечной энергетики после Sharp и Hitachi. Как же изменился мир! Да, мы делали это. Мы начали в США. Затем переместились в Испанию, Индию, Китай. Солнечные батареи и панели получили широкое применение. Но это не то, что мы делаем сегодня. Этот урок мы хорошо усвоили».

Выбирайте динамическую эффективность

Чтобы выработать правильную стратегию, нефтяные компании должны видеть свои возможности не как выбор между инвестициями в ВИЭ или углеводороды, а, скорее, как выбор между статической и динамической эффективностью.

Статической эффективности компания добивается, сосредотачиваясь на максимальном увеличении возврата инвестиций в углеводородные активы; динамической —

ПРИМЕРЫ БЫСТРОГО ПЕРЕХОДА: УГОЛЬ — ГАЗ

Открытие в Нидерландах месторождения природного газа Groningen в 1959 году является примером быстрой трансформации энергетического комплекса. В то время около 55% поставок первичных источников энергии страны обеспечивалось за счет угля, за которым следовали нефть (43%) и природный газ (менее 2%). В декабре 1965 года, через год после начала добычи на Groningen, за счет природного газа было обеспечено 5% первичной энергии Нидерландов, а к 1971 году его доля выросла до 50%.

Первой крупной экономикой, отказывающейся от угля после столетий его добычи и потребления, является Великобритания. В электроэнергетике страны потребление угля сократилось до уровня 1935 года — 12 млн тонн в 2016 году. За 14 лет, с 1936 по 1950 год, спрос на уголь для электроэнергетики увеличился с 12 млн до 28 млн тонн в год. И только за один год был сделан обратный переход (2015-2016). При этом суммарный объем потребления угля в Великобритании (во всех секторах) составил в 2016 году около 18 млн тонн — такой уровень не наблюдался за последние 150 лет.

Британский случай — хороший пример сложности энергетического перехода и роли политики в ускорении процесса.

принимая трансформацию энерге- провести переоценку существуютики как данность, чтобы иметь возможность остаться на плаву в долгосрочной перспективе.

Авторы доклада утверждают, что ни выжидательная тактика, ни стремительное движение в сторону ВИЭ не смогут обеспечить хорошие позиции в условиях энергетического перехода, так как оба варианта несут в себе риски с точки зрения бизнеса. В качестве альтернативы исследователи OIES предлагают постепенное «расширение бизнесмодели» как части масштабной стратегии адаптации.

Расширение бизнес-модели заключается в изменениях в инвепроизводственном стировании, процессе, НИОКР, а также в совместных коалиционных решениях нефтяных компаний с особым вниманием к технологиям будущего. Для да, выигрышных технологий и

щего портфеля по всей цепочке создания стоимости и учесть возможности по наиболее конкурентоспособным и ценным активам (как углеводородным, так и низкоуглеродным).

Операционная модель компаний должна быть более адаптивной и гибкой по отношению к постоянным изменениям в энергетическом секторе. Расширение бизнесмодели отличается от стратегии перехода в том, что оно позволяет найти баланс между максимизацией прибыли в краткосрочной перспективе и риском разрушения бизнеса в долгосрочной перспективе. К примеру, если по какой-либо причине выяснится, что нефтяная компания сделала ошибочные прогнозы относительно скорости перехоуспешного продвижения нужно сочетания энергоресурсов в будущем, это негативно скажется только на части ее бизнес-модели.

Совместить несовместимое

Одним из ключевых элементов расширенной бизнес-модели должна стать интеграция ВИЭ в проекты, связанные с углеводородами.

К примеру, крупные нефтяные компании присутствуют в девяти странах, где внутренние цены на газ в среднем составляют \$3/тысячу куб. футов, притом что экспортная инфраструктура для доступа к рынкам с высокой ценой недоиспользована примерно на 35%. В среднем страна этого списка (Алжир, Египет, ОАЭ, Оман, Австралия, Тринидад, Индонезия, Перу, Йемен) получает 2000 кВт·ч/м2/год освещенности солнечного излучения, что делает энергию солнца привлекательным вариантом для электроэнергетики страны и, в свою очередь, позволяет «высвободить» для экспорта те объемы газа, которые сейчас потребляются для внутренних нужд.

Также особенно хорошо размещать инвестиции в солнечную энергетику в «более солнечных» странах, где энергии солнечного излучения в два или три раза больше, чем в Северной Европе. При прочих равных это обеспечивает проектам солнечной энергетики окупаемость при низких тарифах.

Вместе с тем, в условиях усиления давления со стороны акционеров и в предвкушении более быстрого перехода, интеграция ВИЭ в существующие проекты компаний многим может показаться недостаточной, и поэтому нефтяным компаниям потребуется расширить портфель за пределы ископаемого топлива, хотя это и представляется очень далеким от ключевого бизнеса.

Привычный метод поглощений

На практике в последнее время, если нефтяные компании хотят укрепить свои позиции в области ВИЭ, то чаще всего они выбирают вариант приобретения активов. К примеру, в апреле Total договорилась о приобретении Direct Energie за €1,9 млрд, чтобы получить доступ к существующей системе энерго-

Источник: расчеты авторов на основе данных компании.

МВт, а также более крупным поставкам на 2 ГВт. Ранее, в 2017 году, ВР этом в планах компании в 4 раза, до 8 ГВт, увеличить мощности солнечной энергетики.

В декабре 2017 года Shell договорилась о приобретении крупнейшей энергокомпании Великобритании, также продвинувшись по цепочке от переработки к энергогенерации. Хотя это приобретение (примерно на £200 млн) можно считать скромным в сравнении с

И только в начале 2030-х годов рентабельность используемых капвлоприобрела 43% в LightSource. При жений превысит 10% в постоянно растущем портфеле ВИЭ.

Нефтяные страны: только диверсификация экономики!

Страны, доходы бюджета которых зависят от добычи нефти и газа, также очень уязвимы для изменений в энергетическом ландшафте. И если ключевой проблемой для нефтяных компаний является разрушепотенциальной покупкой на аук- ние существующих бизнес-моде-

ОДНИМ ИЗ КЛЮЧЕВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ РАСШИРЕННОЙ БИЗНЕС-МОДЕЛИ НЕФТЯНЫХ КОМПАНИЙ ДОЛЖНА СТАТЬ ИНТЕГРАЦИЯ ВИЭ В ПРОЕКТЫ, СВЯЗАННЫЕ С УГЛЕВОДОРОДАМИ

ционе Equis Energy, крупнейшей в лей, то для стран — экспортеров Азии компании в области ВИЭ мощ- нефти главной проблемой станоностью 11 ГВт, которую в итоге приобрел GIP за \$3,7 трлн.

Экономика проектов вырисовывается впечатляющая, однако риск быстрого роста возобновляемых источников (органический или через многочисленные приобретения) состоит в том, что от акционеров потребуется терпение...

К примеру, при изучении и составлении моделей семи крупнейших проектов Statoil (с мая 2018 компания именуется Equinor) в области ВИЭ авторы доклада заключили следующее. Несмотря на то, что общая внутренняя норма доходности будет превышать приемлемые 8% минимальной доходности, общий портфель не выйдет вится потеря доходов для функционирования экономики и возможность монетизировать солидную ресурсную базу.

Срок обеспеченности запасами международных нефтяных компаний обычно составляет 8-10 лет, тогда как для некоторых богатых ресурсами стран — несколько десятилетий. Например, для Саудовской Аравии, с ее 90%-ной зависимостью государственного бюджета от нефтяных доходов, данный показатель превышает 63 года. Это делает невозможность монетизации ресурсной базы серьезным риском для этих стран.

Другое важное различие заключается в том, что для стран — эксснабжения от ВИЭ мощностью 550 на прибыль до конца 2020-х годов, портеров нефти нет конфликта между статической и динамической эффективностью, когда речь идет о период нефтегазовый сектор будет выборе позиции для энергетического перехода. Действительно, инвестиции в возобновляемые источники энергии могут способствовать дальнейшему увеличению краткосрочных доходов, поскольку таким образом высвобождаются углеводородные ресурсы для экспорта (если цены на мировом рынке превышают цену безубыточ-

Для некоторых стран — экспортеров нефти инвестиции в возобновляемые источники энергии оказываются весьма привлекательными. Они нахолятся на той сталии развития, когда экономический рост связан с потреблением энергии, при этом рост собственного энергетического спроса снижает экспортные возможности. Некоторые из таких стран, например Кувейт и ОАЭ, уже являются нетто-

Таким образом, в переходный и впредь играть ключевую роль в этих экономиках, создавая доход, необходимый для расширения областей реальной экономики (производство, сельское хозяйство и сектор услуг), чтобы увеличить ненефтяную долю валового внутреннего продукта и, следовательно, диверсифицировать источники доходов бюджета.

Фактически нефтегазовый сектор может сыграть свою роль в диверсификации путем создания новых отраслей промышленности и укрепления обратной и прямой связи. Это гибкая стратегия, которая максимизирует выгоду от капитала, создающего доход (то есть запасов нефти и газа), и в то же время создает потенциал для того периода, когда спрос на нефть будет оставаться на месте или снижаться.

ДИВЕРСИФИКАЦИЯ ЭКОНОМИКИ ДЛЯ СТРАН — ЭКСПОРТЕРОВ НЕФТИ ОСТАЕТСЯ ОСНОВНОЙ СТРАТЕГИЕЙ АДАПТАЦИИ К ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМУ ПЕРЕХОДУ. НЕФТЕГАЗОВЫЙ СЕКТОР МОЖЕТ СПОСОБСТВОВАТЬ ЭТОМУ ПРОЦЕССУ

импортерами природного газа. Инвестиции в возобновляемые источники энергии в какой-то мере направлены на максимизацию доходов в краткосрочной перспективе — за счет «высвобождения» экспорта углеводородов, но эти инвестиции не гарантируют долгосрочную устойчивость.

В долгосрочной перспективе диверсификация экономики для стран — экспортеров нефти остается основной стратегией адаптации. ВИЭ могут замещать углеводородные ресурсы во внутреннем энергобалансе, но не в государственном бюджете, поскольку инвестиции в ВИЭ не дают высокого возврата в сравнении с нефтегазовой промышленностью. И хотя в какой-то степени сама отрасль возобновляемой энергетики является частью стратегии диверсификации, она не может удовлетворить реальные потребности этих стран, такие как создание рабочих мест и улучшение благосостояния.

В течение переходного периода экспортные доходы первоначально будут составлять основную часть доходов бюджета, но эта доля будет снижаться, если диверсификация будет развиваться по плану.

Улица с двусторонним движением

О достижении экономической диверсификации легче говорить, чем ее реализовать, поскольку это влечет за собой значительные изменения в экономике с последствиями для благосостояния граждан и распределения национального дохода. Например, нефтяные страны должны проводить болезненные финансовые реформы, которые приведут к сокращению или отмене субсидий (включая энергоносители по заниженной цене) и введению налогов, таких как налог на прибыль и добавленную стоимость. Эти проблемы сложны, учитывая жесткость существующих политических структур и неписанный общественный дого-

вор, согласно которому недостаток политического участия компенсируется распределением углеводородных доходов.

Поэтому можно реализовать постепенные и мелкомасштабные реформы в сочетании со смягчающими мерами. Но не следует ожидать быстрых преобразований в странах — экспортерах нефти.

Кроме того, существует вероятность, и довольно значительная, что эти страны могут потерпеть неудачу в цели достижения диверсифицированной экономики. Это, в свою очередь, повлияет на скорость глобального энергетического перехода. Другими словами, не только глобальный энергетический переход будет определять политические и экономические результаты в странах — экспортерах нефти, но и преобразования внутри самих этих стран будут оказывать влияние на глобальный энергетический пере-

Это улица с двусторонним движением. Эффект обратной связи от стран-экспортеров будет актуальным, даже если им удастся расширить свою экономику производства или мировой рынок нефти перейдет от текущей модели, ориентированной на дефицит, к рынку с предельными издержками, на котором для углеводородов не смогут удерживаться премиальные цены.

Например, если страны — экспортеры нефти преуспеют в своих целях диверсификации экономики, они смогут участвовать в более агрессивной стратегии монетизации ресурсов, что приведет к снижению цен на нефть и значительным изменениям относительных цен на топливо. Это скажется на скорости энергетического перехода (если только эти изменения относительных цен не будут скорректированы за счет налогов на выбросы углерода).

С другой стороны, на процесс энергетического перехода повлияет и то, если он не пройдет гладко и приведет к большому количеству сбоев и большей волатильности цен на нефть. Такие обратные связи только добавляют неопределенности к уже и без того сложному вопросу происходящей трансформации глобальной энергетики.